

ВЛАДИМИР БОНДАРЕНКО

РОСС НЕУТОМИМЫЙ

К 80-летию Валерия Ганичева

Я желал бы каждому из своих друзей в восемьдесят лет быть таким же неутомимым и деятельным, как Валерий Николаевич Ганичев. Сегодня он на островах в Средиземном море отмечает годовщину нашего святого – адмирала Фёдора Ушакова, завтра – на Алтае проводит писательский Пленум, а впереди встречи на Украине и в России, заседания Всемирного Русского Народного Собора, напряжённая борьба за русскую национальную школу. Впереди – писательский съезд. Даже возгласы несогласных и недовольных тоже идут в общую копилку, значит, ещё в схватке, ещё крепок дух.

К юбилею и книга подоспела: “Слово. Писатель. Отечество” – о наших великих соотечественниках, от Пушкина до Рубцова, о боевых братьях и соратниках. Читая эту книгу, уходишь от всей мелкой суеты, от надоедлых споров и полемики. И впрямь, книга-то о русскости, о вечной борьбе за Россию и русскую культуру. О чём спорить? С врагами России и спорить не о чем, а самые недовольные соратники вряд ли будут возражать. По книге виден весь восьмидесятилетний путь неутомимого Росса, стойкого патриота России.

Я помню, когда Ганичева с шумом снимали за его русский патриотизм с поста главного редактора “Комсомольской правды”, по важности третьей газеты огромного Советского Союза, на планёрке в журнале “Октябрь”, где я тогда работал в отделе критики, явный русофоб и бездарный писака Анатолий Ананьев радостно потирал руки: “Наконец-то скинули этого националиста, а не утихнет, мы и с “Роман-газеты” его турнём”.

В писательской среде разнёсся слух: скинули за то, что с лёгкой руки первого космонавта, доброго знакомого Ганичева, Юрия Гагарина о нём заговорили как о ведущем идеологе страны, о возможном преемнике генсека. Вот и убрали от греха подальше. Не думаю, что слух был достоверный – враги и распускали.

Дело было не в каких-то личных амбициях Валерия Николаевича. Дело было, прежде всего, в последовательном державном духе проводимой им в главной молодёжной газете страны политики. В его непривычной для коридоров Старой площади русскости.

Воистину, Валерий Николаевич Ганичев, как и многие его сверстники, начинавшие в шестидесятые годы XX века возрождать русское национальное самосознание, пробуждать русский дух в нашем чересчур уж доверчивом, а иной раз и чересчур общечеловеческом народе, по характеру своему, по подвижничеству своему является тем самым *Россом непобедимым*, о каких он

сам любит писать в книжках своих. Меняются эпохи, меняются идеологии, меняются властители, а Валерий Ганичев всё так же нацелен на русское дело.

Иные, имея такую биографию, как у Валерия Ганичева, сто раз бы проплакали всё телевидение своими воплями о незаслуженных репрессиях, о громких увольнении с работы, о том, что ему недодали, обнесли наградой или званием. Ганичев не любит изображать жертву, да и не считает себя неким мучеником за русскую идею. Он всегда нацелен на дело, реальное дело. В “Комсомольской правде” он умудрился за короткое время правления этой популярной газетой создать крепкий центр русской патриотической мысли. Так что выкорчёвывать после него новым интернационалистам ганичевские корни из газеты пришлось ещё долгие годы. Издательство “Молодая гвардия” так с ганичевского руководства и по сию пору сохранило устойчивую патриотичность, может быть, потому и уцелело, и набирает силу уже в нынешнее время, радуя читателей то дневниками Георгия Свиридова, то новыми книгами из серии ЖЗЛ, то сборниками стихов Татьяны Глушковой и Юрия Кузнецова. А всему этому патриотическому направлению положено было начало всё тем же Валерием Ганичевым, с 1968 года десять лет возглавлявшим работу издательства.

Казалось бы, сбросили Ганичева за его русскость с высоких постов, приземлили в “Роман-газете”, но он и там вместо необходимого космополитического покаяния сконцентрировал вокруг журнала всю корневую русскую словесность.

Да и Союз писателей России не только уцелел в кризисное развальное ельцинское время, но благодаря руководству Валерия Ганичева и его соратников все девяностые годы оставался, может быть, единственным всероссийским центром русского патриотического сопротивления, собирая вокруг себя всех талантливых русских мастеров слова — от Леонида Леонова и Михаила Алексева до Валентина Распутина и Владимира Личутина. В 1994 году Ганичев возглавил Союз писателей России, как раз в ту пору, когда разваливалось всё... Могло развалиться и писательское сообщество, но во многом благодаря деятельности Валерия Николаевича Союз писателей не только сохранился как наиболее крупная действующая творческая организация в стране, а приобрел ещё большее уважение в глазах российской общественности, повернулся лицом к народу и к вере... Так же, как по инициативе Ганичева возник Всемирный Русский Народный Собор, без которого ныне немислима отечественная общественная жизнь.

Вот уж верно — *Росс неутомимый*. Прикасается к любому делу — и сразу же идут ростки, появляются реальные результаты. Верил ли кто-нибудь, когда впервые Валерий Ганичев заговорил о канонизации нашего знаменитого флотоводца, адмирала Фёдора Ушакова? Сегодня святого Фёдора Ушакова поминают в молитвах. Иконы с изображением этого русского святого подвижника можно увидеть в монастырях и храмах. А читатель с увлечением погружается в историческую прозу Валерия Ганичева “Росс непобедимый”, “Флотовождь”, “Русские вёрсты”.

3 августа замечательному русскому писателю-державнику — заместителю главы Всемирного Русского Народного Собора, одному из создателей Всероссийского общества охраны памятников и культуры, Фонда “Русская национальная школа”, Фонда милосердия и согласия, председателю Союза писателей России, доктору исторических наук, профессору Валерию Николаевичу Ганичеву исполнится 80 лет.

Родился Валерий Ганичев на станции Пестово в Новгородской области, но вскоре родители переехали на Украину, потому азы и русской, и украинской культуры он постигал на Полтавщине. Позже вспоминал: “Я заканчивал украинскую школу на Полтавщине, Киевский университет и могу, не стесняясь окрика завязятых “патриотов”, причислять себя к представителям русской и украинской культуры. Ясно моё преклонение перед великой русской классикой, которую, к сведению галицийцев, признаёт весь мир, но я с радостью постигал мир украинской культуры, слово, музыку, живопись, быт украинского народа. Кстати, сегодня я перевожу книги украинских писателей на русский. Родители мои с Вологодской земли, вместе с ними я пожил на Новгородчине, в Сибири...”

После войны отца направили в Полтавскую область — в миргородские голевские места. Я овладел украинской мовой. Окончил там среднюю школу.

Для нас естественным был переход с русского на украинский и с украинского на русский. Когда я учился, никакого разделения на украинцев и русских (а также евреев, молдаван, поляков) у нас не было. Одни учителя были русские, другие – украинцы, мы их любили одинаково. В школе были две замечательные учительницы: преподаватель русского языка Надежда Васильевна и преподаватель украинского Ганна Никифоровна. Великая русская литература и выдающаяся, замечательная украинская литература входили в наши сердца без всяких директив и указов. Они не противоречили друг другу. И всё в наше сердце вмещалось: Пушкин и Шевченко, Котляревский и Лермонтов, Леся Украинка и Гоголь... Всех читали, всех ценили. Когда хотел, отвечал по-русски, когда хотел – по-украински.

И сколько же было общего у тех, с кем мы общались и работали и на Украине, и в России. Сомнений в единстве, братстве, общности ни у кого не было.

Когда несколько лет назад мы с моим одноклассником академиком Цыбом (крупнейшим радиологом мира, возглавляющим крупнейший Обнинский центр медицинской радиологии) приехали на Сорочинскую ярмарку, то побывали у своих старых, мудрых учителей в школе. Учителя нам обрадовались, долго вспоминали прошлое, в школе же было как-то тускло и скучно. Из нынешних учителей и учеников искру не высекали. Сказали об этом нашим учителям.

Надежда Васильевна всплеснула руками: “Валерий, не горят глаза-то у них, они ведь не читали письмо Татьяны Евгению, не слышали про Лермонтова, птицу-тройку гоголевскую не ощущают. Ведь Гоголь-то объявляется им “зрадныком” (предателем), ибо писал по-русски”. Каждый привёл пример отторжения ценностей культуры и литературы от нынешнего школьника. Александр Семёнович, её муж, блестящий историк, подтвердил: “Они ведь и Есенина не читали вслух, о Тютчеве не слышали, да и украинцев-то только со стороны русофобии изучают. Парни и девушки великих образцов восточнославянской, всей человеческой культуры не знают”. В какую же пропасть невежества и бескультурья толкают в последние годы украинские “образованцы”, галицийские культургеры всё население Украины, выжигая единокровную русскую культуру, литературу из памяти, из сознания, из истории, разрывая исторические, духовные, душевные связи между составными частями великой восточнославянской цивилизации”.

... Ганичев учился в Киевском государственном университете на истфаке. В годы учёбы он и познал истину: “Киевская Русь – колыбель трёх братских народов: у нас общая история, общий язык, общая судьба. Киевская Русь – не Россия, но и не Украина, и каждый народ этого гнезда имеет право отсчитывать от неё свою родословную”.

После окончания университета работал в Николаеве, где и увлёкся славной историей русского флота, заинтересовался победами великого русского флотоводца Фёдора Ушакова. “Благодарю Бога, – вспоминает он, – эта счастливая возможность – начало работы над книгами о православном адмирале – явилась ко мне впервые в Николаеве, куда я попал в 1956 году после Киевского университета по распределению. Именно здесь заинтересовался Феодором Ушаковым, одним из преобразователей края, одним из создателей русского флота. Мне стало интересно, как за каких-то сто с лишним лет дикий пустынный край превратился в оплот русской державы. Там была дикая степь, поле, где бродили табуны лошадей, орды ногайских татар. И вдруг всё превратилось в цветущий край...”

Вся Новороссия застраивалась выходцами из России, ими были созданы такие города, как Одесса, Николаев, Херсон, Екатеринослав, Мариуполь, Мелитополь, Симферополь, Севастополь... Тогда же был создан Черноморский флот. И его командующим стал адмирал Ушаков. Вот его судьбой я и заинтересовался в Николаеве, погрузился в историю Новороссии, Черноморского флота, Ушакова... Изучение его деяний, его подвигов, его преобразований юга России заняло у меня 30 лет. Я побывал и на Корфу, и в Болгарии, посетил все места его боевой славы. Думаю, что каждый новый факт, новое свидетельство из жизни адмирала, обнаруженные мною в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Рыбинска, Саранска, Николаева, Херсона, греческого острова Корфу, сопоставление их, включение в общую историческую панораму всё больше раскрывало истинное значение деяний Ушакова, возвышало его. Может быть, осознание величия адмирала Ушакова и оказалось главным де-

лом моей жизни. У меня к 1995 году вышли и роман “Росс непобедимый”, и в серии ЖЗЛ “Ушаков”, но, изучая уже последние годы его жизни, когда он постоянно бывал в монастыре, раздавал простым людям все свои земли и богатства, я понял, что он ушёл из жизни праведником, нашим православным Святым. И обратился к святейшему Патриарху всея Руси Алексию: “Ушаков – это же Святой?” “Да, Святой. Мы все это чувствуем. Если наш флот получит такого небесного покровителя, это будет великое благо для нас”, – сказал мне Патриарх. Тогда я написал официальное письмо Святейшему Патриарху, произошло широкое обсуждение темы канонизации и в церковных, и в светских, и в армейских кругах, были и молитвы монахов, и разбор материалов канонической комиссией. После чего в 2001 году Феодор Ушаков был прославлен как Святой. Я радуюсь, что это произошло в моей жизни”.

Иеромонах Венедикт писал: “Некоторые говорят, что прославление Ушакова – политическое явление. Мол, поговорили и решили. Но так не бывает. Господь избирает именно тот момент прославления своих угодников, который как бы вызывает к конкретному святому через конкретного человека. В данном случае это – Валерий Николаевич Ганичев. Когда он писал, он проникался познанием праведности своего героя, потом отправил письмо Святейшему Патриарху. И, наконец, народное почитание, молитвы братии Санаксарского монастыря сделали своё дело. Этот пример очень значим. Но надо понять его не формально, не поверхностно, а вникнуть в самое существо образа Феодора Феодоровича. Существо же его святого образа в том, что, прежде всего, человек – носитель благодати Божией и послушник перед Богом.

Господь каждому из нас определяет послушание, кем бы мы ни были. Для Валерия Николаевича Ганичева – это, прежде всего, служение слову, творчество, обращённое ко всем нам, русским людям, и к нашим ближним и дальним потомкам”.

Вот и будет история судить Валерия Ганичева по всем делам его.

Читая его избранную публицистику “Слово. Писатель. Отечество”, я погружаюсь в историю русской патриотики. Это не просто собранные вместе речи, выступления, интервью, доклады – это живая история борьбы за Россию, за русскость.

Первая часть книги – о наших великих соотечественниках, о Пушкине, Гоголе, Тургеневе, Достоевском, Шолохове, Волошине, Рубцове. Но это не анализ литературоведа, а привлечение патриотом и публицистом своих национальных русских гениев в союзники в сегодняшней борьбе за Россию. Пушкин и Толстой собирали в трагические годы нашу нацию воедино. Не случайно в наши дни стало модно сбрасывать великих соотечественников с борта современности, дабы не мешали добывать саму Россию. Михайловское, Бежин Луг, Ясная Поляна, Тарханы, Вёшенская, – по мнению Ганичева, эти святые для русского человека места были и останутся центрами нашего национального сопротивления. Такие стихи, как “Клеветникам России” Пушкина, “К ненашим” Языкова, “Опять народные витии” Лермонтова, становились боевым оружием русских патриотов. Ганичев вспоминает, как за публикацию языковского стихотворения “К ненашим” в известном молодогвардейском сборнике “О, русская земля” на него одновременно обрушилась и партийная, и либеральная пресса. Даже академик Лихачёв обвинил русского поэта Языкова в шовинизме, ссылаясь на Герцена. Значит, не устаревают языковские строки:

*Вполне чужда тебе Россия,
Твоя родимая страна!
Её предания святы
Ты ненавидишь все сполна.*

И по-прежнему, как во времена Хомякова и Самарина, ищут наши прогрессисты привозные ценности, забывая о своих. По-прежнему приходится в России бороться за сохранение Бородинского поля, поля Куликова, музеев в Абрамцеве, Спасском-Лутовинове... Русскому историку постоянно приходится быть публицистом и полемистом, борцом за русскую культуру, подвижником.

Далее следуют части книги, посвящённые русской истории, нашим современникам, ведущим писателям России. И опять это не столько критический анализ творчества, сколько история самого русского национального дви-

жения, история создания знаменитого клуба “Родина”, история первого патристического журнала “Молодая гвардия” и издательства “Молодая гвардия”. Вот уж верно, как *закалялась русская сталь*, как сражались за исторические книги Пикуля и Балашова, за стержневую русскую прозу Шукшина и Распутина, Белова и Личутина. Это была осознанная борьба за русское дело в России. Конечно, он постоянно рисковал, но не отступал от своих принципов, никогда не сдавался. Валерий Ганичев и его соратники жадно тянулись друг к другу, чувствовали опору в Михаиле Шолохове, Леониде Леонове. Валерий Ганичев вспоминает: “Нам надо было как-то сорганизоваться, как нынче говорят, найти “крышу”. Я предложил создать советско-болгарский клуб творческой молодёжи. Был в Болгарии, там идею поддержали. От меня такую записку могли не принять, и я её запустил из Болгарии. Такой клуб был создан даже по решению ЦК партии. Все ключевые позиции в клубе заняли мы. Привлекли всех молодых филологов и историков, писателей и художников, критиков. Там бывали Ланщиков, Олег Михайлов, Василий Белов, Валентин Распутин. Это был как бы клуб русской национальной интеллигенции под болгарским прикрытием. Кстати говоря, со временем левые силы в Болгарии написали записку в ЦК КПСС, что клуб стал рассадником шовинистических взглядов. И Геннадия Михайловича Гусева обязали разобраться с этим вопросом. Мы оправдывались уже тем, что заседания клуба проводили в самых разных республиках, в частности, в Грузии. Как-то оправдались. А из той поездки в Грузию помню, как Вадим Кожин и Сергей Семанов в самолёте, когда мы летели уже из Тбилиси домой, встали где-то над Краснодаром со своих кресел и заявили: “Мы пролетаем над землей, где героически погиб Лавр Корнилов, просим всех встать!” И все встали, даже секретарь ЦК ВЛКСМ Камшалов стоял. А это всё-таки 1972 год был. . .”

Вот так и формируется в новой книге Валерия Ганичева “Слово. Писатель. Отечество” история русского движения, от знаменитых и нашумевших книг из серии ЖЗЛ до журналов “Молодая гвардия” и “Наш современник”. Им нанесли удары, но и русская ватага умела держаться. Илья Глазунов и Василий Белов, Сергей Семанов и Олег Михайлов, Станислав Куняев и Вадим Кожин — тогда все они ещё умели держаться вместе. В беседе со мной Валерий Ганичев откровенно говорил о русской линии в руководстве страны: “Нам казалось, что в верхах крепнет определённое направление, определённое крыло, которое поддерживало русскую линию. Когда в 1971 году Степаков стал заведующим отделом пропаганды и поддерживал все наши усилия, его быстро убрали. По слухам, Яковлеву было сказано: ты станешь заведующим, если разгоришь русское движение. А мы в это время печатаем знаменитое “Письмо одиннадцати”. Начинать его писать у меня в кабинете, потом перешли в кабинет к Софронову. Мне сказали: “Ты не подписывай, ты занимаешь важное место. Его нужно сохранить”.

Вот после этого *письма одиннадцати* Яковлев повёл ответное наступление. Подключил и Лихачёва, и сам выступил со своей нашумевшей статьёй “Против антиисторизма”. Мы тоже решили сопротивляться. Он выступил перед секретарями обкомов и ЦК комсомола в Академии общественных наук, я там тоже сидел. И за пять дней до публикации в “Литературной газете” он её всю зачитал руководителям комсомольских организаций. А потом там же, в зале, поворачивается ко мне и говорит: “Вот умный человек Валерий, но как же такая патриархальщина, внеклассовый подход. Крестами всё заставили. . .” Я понимал, что, очевидно, вопрос со мной решён наверху. Мы вышли, всё бюро ЦК комсомола: Тяжельников, Пастухов, Янаев, — я стою где-то поодаль. Кстати, не забуду, как Янаев отошёл от Тяжельникова и стал рядом со мной как бы в знак солидарности. Я об этом написал позже ему в Лефортовскую тюрьму, благодарил. . . Позже выступаю вместе с Тяжельниковым перед ленинградским активом интеллигенции. В первых рядах сидели Товстоногов, Гранин. . . Тяжельников выступил о делах комсомола, а я говорил о неправильных тенденциях в нашей литературе, об излишнем пацифизме, о преклонении перед Западом. Все они были несколько ошарашены, но когда на виду у всех из-за стола президиума вышел Романов, подошёл ко мне и пожал руку: “Спасибо вам за это выступление, за вашу позицию”, — всем стало ясно, кто в Ленинграде враг западничества и русофобии. После статьи Яковлева мы решили сопротивляться, обратились ко многим, в том числе к Шолохову. Как известно, Михаил Шолохов написал своё “русское письмо” к Брежневу,

ныне опубликованное в “Завтра”. Были тысячи писем в ЦК КПСС от самых видных людей с возмущением по поводу яковлевской статьи... Это русское патриотическое направление проявлялось на самом высшем уровне в Политбюро ЦК и было связано с такими громкими фамилиями, как Шелепин, Мазуров, Машеров, Полянский. Поговаривают, что близок был к русскому крылу Кириленко. Ну, и Романов ленинградский тоже. Они противостояли космополитическому крылу в Политбюро и одновременно закоренелым догматам марксизма, отрицающим любое национальное начало в жизни общества. Андропов, Шеварднадзе ненавидели русскую партию и боялись её. Помню, мы выпустили несколько книг против сионизма: Евсеева “Фашизм под голубой звездой”, Бегуна “Вторжение без оружия”. За книгу Бегуна нам досталось по высшей мере – и от цензуры, и от начальства. Меня вызывал Севрук, кричал на меня: как вы можете выпускать такие книги? Но у нас были свои козыри, своя поддержка. Мы тоже умели обороняться. Даже стали готовить второе издание. Севрук выступил категорически *против*, но в это время поступил звонок от Машерова: “Почему у вас задерживается выход книги Бегуна?” – Мы отвечаем: “Есть возражения отдела пропаганды”. Нам было сказано Машеровым: “Я считаю, что задержка неправильная, книгу надо выпускать”. Спрашиваю: “Я могу сослаться на ваш разговор?” – “Да, пожалуйста”. На второй день с тихим торжеством пришёл в отдел пропаганды. Начинаю разговор о книге. Слышу: “Хватит говорить об этом, её выпускать не будем”. – “А вот Машеров, кандидат в члены Политбюро, говорит, что книгу эту надо выпускать...” Севрук побелел: “Ну, я не говорил, что не надо выпускать совсем, но надо подработать... Давайте работать”. Мы работали, ещё был звонок Машерова: “Поторопитесь, эта книга нам очень нужна в борьбе с буржуазной идеологией”. Книга вышла 200-тысячным тиражом. Вот такую прямую поддержку нам не один раз оказывал Пётр Миронович Машеров...”

Конечно, были споры и среди патриотов, белых и красных, монархистов и анархистов, православных и язычников. В этой новой книге Ганичева я нашёл и полемику с собой. Без споров в таком деле не обойтись. За эти десятилетия я как критик и публицист тоже неоднократно спорил и с Ганичевым, и с Куняевым, и с Поляковым, но в самых иногда яростных спорах со своими соратниками важно не перегибать палку, помнить о главном. Думаю, в этом мы с Ганичевым близки. Он всегда понимает единую стратегию русского дела, которое для него всегда было выше чиновничества, выше партийности, выше клановости.

Он был и есть наш русский державный патриот. Почаще бы на наших государственных горизонтах появлялись такие надёжные защитники русской национальной культуры! От всей души поздравляю Валерия Николаевича с юбилеем! Многая лета!